

Мы учились у него жизни

[А. Грабченко, доктор технических наук]

#20-21 от 03.10.2006

1 октября 2006 года исполнилось 100 лет со дня рождения Михаила Фёдоровича Семко.

1 . 1962 .

Время – неумолимый, неподкупный, свободный от конъюнктуры арбитр, высвечивает, в конце концов, все достоинства и недостатки любой знаменитости, каждой исторической личности. И мы рады сегодня тому, что такое испытание временем имя Михаила Фёдоровича Семко выдержало.

Родился он в простой крестьянской семье на Полтавщине, рано потерял отца, рано начал трудиться. В 1925 г. путевкой комсомола направлен на учебу в ХТИ. После отличного окончания института был оставлен в аспирантуре. Студент, аспирант, ассистент, доцент, профессор, доктор – вся жизнь – 54 года – отданы одному институту. Поэтому в трудовой книжке только одна запись – ХПИ.

Если исходить из образовательного «ценза», то Михаила Фёдоровича можно считать интеллигентом в первом поколении. Но если взять во внимание его природный дар, то можно с уверенностью говорить, что природа заложила в него мощный концентрат интеллигентности, той духовности, культуры, которые в глубинах души народной накапливались и выкристаллизовывались веками. Природа одарила его многогранным талантом.

Хочется сказать о блестящем организаторе высшей школы, с которой была связана вся жизнь Михаила Фёдоровича. Его умение привлечь к работе в вузе талантливых педагогов и создать для них подходящие условия, постоянное внимание к росту профессиональной подготовки всех преподавателей. Направленное стремление к обновлению содержания образования проявилось в той настойчивости и тщательности, с которой разрабатывались новые учебные планы и программы, открывалась подготовка инженеров по новейшим специальностям и специализациям.

И непрерывная нить в деятельности ректора – это развитие материальной базы: от послевоенной разрухи до современных масштабов. Именно под руководством ректора М.Ф. Семко был воссоздан политехнический, восстановлен из разрухи, практически заново создан педагогический коллектив послевоенного образца. В корпусе ректоров вузов Советского Союза Михаил Фёдорович был признанным профессионалом. Он единственный ректор, получивший Героя Социалистического Труда за заслуги перед высшей школой. Хочется сказать о Михаиле Фёдоровиче как о талантливом педагоге. Многим удалось слушать его блестящие лекции, доклады, сдавать ему экзамены, обучаться в аспирантуре. Разные люди, кто с ним сталкивался, неизменно попадали в биополе его обаяния и оптимизма. С таким тактом он умел стимулировать развитие способностей каждого, строго дифференцировал требования, нагрузку, похвалу. Пожалуй, главное здесь – это его ориентация на позитивное начало в человеке, на ту или иную способность, одарённость в каждом обучающемся. в каждом сотруднике.

.. «». , .

Хочется сказать о Михаиле Фёдоровиче как о человеке, оставившем хорошо заметный след в науке о резании материалов. Ещё в начале 30-х годов его пионерские работы в области тепловых явлений и стойкости инструмента отличались новизной подхода и оригинальными научными выводами, обобщениями. Став руководителем кафедры, он в течение последующих 37 лет был истинным инициатором научных идей, остро улавливающим все тенденции развития науки о резании материалов, её отклики на запросы различных отраслей народного хозяйства. Он создаёт коллектив единомышленников, своеобразный ансамбль исследователей, основывает и руководит отраслевой и проблемной лабораторией. Сегодня мы с гордостью можем подчеркнуть, что в эпоху тоталитаризма научное творчество Михаила Фёдоровича отличалось широким демократизмом. Академики И.Н. Францевич и В.И. Трефилов высоко оценили безграничное доверие к молодёжи, ободряющее стимулирование её творческой инициативы, удивительную способность концентрировать коллективные усилия на разработке важнейших идей, непреклонную твёрдость в отстаивании научных концепций, углублённое проникновение в физику процесса резания, непрерывное обращение к критерию истины – практике. Эти качества

талантливому учёному явились, по их мнению, определяющими в становлении и усиленном развитии научной школы.

Хочется сказать о Михаиле Фёдоровиче как о человеке, органически приверженном идее интеграции научных сил, консолидации учёных различных регионов нашей страны, различных научных школ, которые, чего греха таить, не всегда мирно уживались. Эта черта представляется особо важной в наше время, когда идеи дезинтеграции не только усиленно пропагандируются, но и получают политическую возможность для реализации.

Хочется сказать о Михаиле Фёдоровиче как об убеждённом интернационалисте. Эти его качества проявились и тогда, когда врагов и друзей народа отличали по национальной принадлежности, и когда налаживались первые международные межвузовские связи. Ханой и Познань, Магдебург и София, Мишкольц и Лондон, Пекин и Прага – эти города стали для нас вузовскими побратимами благодаря активной позиции ректора Семко, его личному участию в определении направлений сотрудничества, в непосредственных переговорах, в организации реализации договоров. Звание Почетного доктора Мишкольцкого университета, Вьетнамский орден Дружбы и Болгарский орден Кирилла и Мефодия свидетельствуют о том, что эта сторона деятельности Михаила Фёдоровича получала должную оценку за рубежом Родины.

Михаил Фёдорович до последнего мгновения любил жизнь во всех её проявлениях. Не все, наверное, знают о том, что место для спортивного лагеря в Алуште выбрано Михаилом Фёдоровичем, что именно он сформулировал требования к генеральному плану размещения лагеря, что он по праву разрезал ленточку при торжественном открытии лагеря, Дворца студентов, высотного учебного корпуса, научных баз в Андреевке и у Соколово.

Отметив своё 70-летие, Михаил Фёдорович спустя год поднялся на Бабуган-Яйлу – плоскогорье на вершинах гор над нашим лагерем. Надо было видеть, как он по-детски радовался синему небу, сверкающему далеко внизу морю, свежести альпийского луга, красным земляничным полянам.

В преддверии 100-летия со дня рождения в нашей вузовской газете была открыта рубрика воспоминаний о Михаиле Фёдоровиче тех, кто с ним работал, кто у него учился, кто его близко знал. Хочу привести некоторые поучительные фрагменты из своего общения с этим прекрасным человеком.

...1961 год. Отчетно-выборная партийная конференция нашего вуза. Поначалу все шло традиционно: взвешенный отчетный доклад, выступления делегатов, всегда трогательное приветствие пионеров. В списке выступающих осталось две фамилии – секретаря обкома партии по идеологии и ректора института.

Неожиданно для всех выступление секретаря обкома партии оказалось очень резким, критика же была бескомпромиссной и касалась всех сторон деятельности вуза. Такого ранее никогда не было. Мягко говоря, далеко не все негативные оценки секретаря были справедливы. Подобное выступление официального представителя обкома партии на конференции вуза могло предполагать серьезные кадровые изменения в институте. Зал замер. Что скажет ректор? Ведь по форме дана отрицательная оценка работы всего

коллектива. Обычно в таких случаях благодарили за критику и кланялись, обязуясь...

Ничего подобного не произошло.

Спокойное, уверенное, аргументированное выступление ректора отражало достижения и неудачи вуза, давало четкую перспективу дальнейшего развития, намечало ближайшие конкретные задачи коллектива, отдельных факультетов и кафедр. И ни слова о выступлении секретаря обкома – Михаил Федорович его просто «не заметил». Он умел перерабатывать огромное количество информации, прессуя главное в лаконичных емких тезисах. Зал взорвался благодарными аплодисментами. Секретарю было очень неуютно. Эту ситуацию из прошлого могут хорошо понять и по достоинству оценить люди, знакомые не понаслышке с традициями и правилами того времени.

...Случилось так, что первая статья, связанная с моей кандидатской диссертацией, появилась во Всесоюзном журнале «Заводская лаборатория» в солидном соавторстве – М.Ф. Семко, Л.С. Палатник, Я.С. Павляк. Посвящена она была алмазной обработке, изучению механизма разрушения твердых сплавов под воздействием алмазных зерен. Спустя несколько месяцев пришло письмо из Южно-Африканской республики, из всемирно известного ведущего алмазного научного центра. Моей радости, как начинающего исследователя, не было границ. Окрыленный, я помчался к Михаилу Федоровичу в ректорат и вскоре был уже у него в кабинете. Он внимательно прочел письмо, в котором предлагалось наладить научное сотрудничество с нашей лабораторией, с нашим вузом. Я не сомневался в позитивной реакции своего научного руководителя и уже приготовился выложить ему сногшибательные планы сотрудничества. А он как-то грустно улыбнулся, посмотрел на меня пристально и коротко сказал: «Так они же расисты». Я искренне оторопел, начал что-то бессвязно бормотать, а он уже серьезно твердо сказал: «Сотрудничества не может быть». Это было в 1964 году. Этим все сказано.

...Когда была введена система Специализированных советов, одним из требований для создания было наличие в вузе двух докторов наук по конкретной специальности. В ту пору в

Харькове было всего три доктора наук в области технологии машиностроения и обработки материалов, но они все работали в разных вузах. Поэтому в Харькове Совета по защитам не было и соискатели ездили по самым разным городам – Киев, Москва, Тула, Саратов, Тбилиси. В какой-то момент в нашем вузе образовалась вакансия заведующего одной из кафедр. Если пригласить одного профессора на ее заведование, то в ХПИ можно было бы создать Специализированный совет. Несколько «потенциальных» соискателей нашей кафедры пришли к Михаилу Федоровичу и изложили очевидные, на их взгляд, «неубиенные» аргументы в пользу такого решения. Ответ был такого плана: да, Совет в Харькове и в ХПИ, безусловно, нужен, да, его создание объективно целесообразно, да, это ускорит процесс подготовки докторов и кандидатов наук, согласен и с другими доводами. Но вы не подумали о том, каково с этим профессором будет сотрудникам кафедры, как они с ним смогут работать? И резюме: «Совета у нас не будет». Через неделю мы узнали, что этот профессор избил своего сотрудника на заседании кафедры...

...Как ректору, Михаилу Федоровичу приходилось перечитывать ворохи бумаг разного «калибра». Но с каким удовольствием он брался за прочтение диссертаций сотрудников кафедры, подготовленных под его началом. Мне помнится, что работы, которые подавались в полном объеме, у него не залеживались. Дошла очередь и до меня. Вскоре я получил работу обратно: не было страницы, на которой не значились бы редакционные пометки научного руководителя. Я многое переправил, но кое-что «отверг» и в чистовом варианте оставил целые абзацы в прежней «авторской редакции». Каково же было мое удивление, когда при прочтении «чистового», как мне казалось, окончательного варианта «незамеченные» мною исправления были повторены буква в букву! Я до сих пор храню этот текст. Себе в назидание.

...«Ты» и «Вы». Эти два слова могут служить характеристикой отношений между людьми, степени их близости, но, несомненно, то, что они характеризуют, прежде всего, того, кто их произносит. В украинских семьях принято, чтобы дети обращались к родителям на «Вы»: «Ви, тату; Ви, мамо». А на работе? За рамками служебных отношений? Михаил Федорович употреблял в общении только одно слово – «Вы». Может, это пришло от его сельской семьи, мамы, но в его жизни оно относилось ко всем – академикам, студентам, аспирантам, профессорам, доцентам, учебным мастерам, лаборантам. Но странное дело: это не отстраняло людей от него, не удаляло, а напротив, сближало, звучало исключительно уважительно, тепло. Уважительное отношение к собеседнику, умение слушать и слышать (не поглядывая выразительно на часы), доверять.

В конце пятидесятых годов студент консерватории В. Палкин начал руководить хором нашего института. Михаил Федорович поверил в этого юношу, еще студента, и в дальнейшем только его коллективу разрешал праздновать Новый год на территории главного аудиторного корпуса при жестком всеобщем «табу» на подобные праздничные увеселения. Сейчас Вячеслав Сергеевич Палкин – профессор, член-корреспондент Академии искусств, Лауреат премии Т.Г. Шевченко, Заслуженный артист Украины.

...Михаил Федорович исключительно высоко ценил Петра Родионовича Родина как выдающегося ученого, как организатора науки в высшей школе Украины (длительное время

заведовал соответствующим управлением Министерства высшего и среднего специального образования Украины), как прекрасного человека. И часто приглашал Петра Родионовича в Харьков на оппонирование диссертаций (на кафедре сейчас работает много благодарных «крестников» Петра Родионовича). Перед защитой кандидатской диссертации Н.К. Беззубенко Михаил Федорович поручил мне заказать гостиницу для Петра Родионовича. Большое дело – взял письмо от института, отнес в дирекцию гостиницы «Харьков» и дело сделано! Рано радовался. Вызывает Михаил Федорович в порядке контроля, я бойко докладываю, а дальше начинаются вопросы: какой номер, на каком этаже, куда смотрят окна, все ли службы номера в исправности, не рваный ли коврик лежит в прихожей номера полу-люкс, всегда ли в номере есть вода холодная и горячая?.. Мне пришлось еще не раз посетить администрацию гостиницы, прежде чем я смог ответить на все вопросы «шефа» и сказать, что наконец-то номер к приему гостя готов. Не было мелочей у нашего ректора, какую-бы работу он ни делал. И то, как он ее делал, было главной школой для нас, в то время молодых, в большом и малом.

... 1975 год. В Харькове М.Ф. Семко организует Всесоюзную конференцию по алмазам – «Алмаз-75». В рамках конференции – поездка на Полтавский алмазный завод. Полтавщина – родина Михаила Федоровича. С этого вокзала он уезжал в далекий тогда Харьков на учебу, а вот и тот дом, в котором жила его семья. Двор без ограды. Во дворе уже немолодой вяз. Небольшая, аккуратно побеленная мазанка. Деревенское крыльцо. Не сразу, а лишь постояв в раздумье, попросил разрешения у хозяйки взойти на крыльцо, пройти в сени, комнату. Т.Н. Лоладзе и еще несколько гостей конференции в почтении к святости происходящего остановились в стороне, а потом не приставали с расспросами. Прикосновение к прошлому имеет право быть глубоко личностным. Наверное, вспомнил Михаил Федорович свое босоное детство, сестру и маму, которую глубоко почитал всю жизнь. Почитал, прислушивался, учился ее мудрости. Когда ее не стало, он каждую субботу ходил на кладбище к ее могиле до последних своих дней. ... 1976 год. Вторая половина декабря. Михаила Федоровича в Мишкольцком университете избрали Почетным доктором и пригласили для вручения Диплома «Doctor Honoris Causa».

Процедура эта в Мишкольцском университете всегда была очень торжественной. От имени удостоенных (было еще два венгерских ученых) слово дали только Михаилу Федоровичу. Выступая, он не смог сдержать волнения, и присутствующим было понятно, что Почетный доктор из Харькова высоко ценит этот акт международного признания его как ученого, как организатора высшей школы, как гражданина, как Человека. Вечером пышного банкета не было – дружеский ужин на восемь персон в гостинице «Юно». Зимнее время в Мишкольце – не туристический сезон, гостей было мало. Шумно веселилась лишь молодежная группа туристов из Москвы. Вскоре оба ректора – Шандор Шимон и Михаил Федорович Семко (с новенькой Звездой Героя Социалистического Труда) оказались в этой молодежной круговерти. И откуда было знать юным девушкам, что вместе с ними лихо отплясывают два ректора, одному из которых уже перевалило за 70.

Профессор Ласло Грибовски вместе с незабвенной супругой Йоли организовали экскурсию по рождественской Венгрии. Был и Будапешт, и Сегед, и Кечкемет, и Шалготарьян, и Егер. Возвращаясь из шахтерского Шалготарьяна, попали в главную базилику Егера сразу после утренней рождественской службы. Как раз она опустела, что было очень удобно для осмотра, но молчал самый-самый знаменитый во всей Венгрии орган – органист ушел завтракать. Однако надо знать гостеприимство венгров! Через двадцать минут мы вслед за органистом поднимались по лестнице вверх, он сыграл специально для высокого гостя – Михаила Федоровича три классических произведения. Дважды звучал Ференц Лист. Это незабываемо.

А в последний день пребывания в Будапеште в доме Советской науки и культуры собрались молодые венгры – выпускники нашего родного Харьковского политехнического. Каждый (а их собралось более 80) рассказал ректору о себе, о работе, о семье, о жизни. Много спрашивали о вузе. А в завершение профессор Ласло Грибовски сказал, что он очень сожалеет о том, что ему не пришлось получить высшее образование в ХПИ, поучиться у такого ректора.

После встречи – на вокзал, наш вечерний поезд «Тиса». За полчаса до отправления Михаил Федорович вспомнил, что он еще не посмотрел новое метро венгерской столицы, и вместе с Шандором Бетлэем ушли с перрона. Появились за три минуты до отхода поезда. Наше волнение не в счет. Главное – новое метро Будапешта Михаил Федорович посмотрел. Главное – радость от познания нового. Цель поставлена и достигнута.

...1977 год. Июль. Крым. Из спортивно-оздоровительного лагеря «Студенческий» снаряжается экспедиция на Бабуган-Яйлу – плато Крымских гор над Алуштой. Выдавший виды грузовичок, серпантин дороги, усеянной валунами и «валунчиками», где пешком, где ползком. Наконец-то достигли плато. В чудесный солнечный день открылось нам с гор бескрайнее море, непрерывно менявшее свой цвет; открылась голубизна чистого неба и совершенно потрясающий травяной покров с пробившимися к солнцу на длинных ножках красными земляничными ягодами. Совсем рядом, можно взяться рукой, легкие облачка. Как маленький ребенок катался по траве наш прославленный ректор, подолгу лежал на сене, широко раскинув руки, смотрел в небо, потом закрывал глаза, снова смотрел, вдыхал аромат материнки и перечной мяты, Иван-чая и полыни, зверобоя и васильков. Он

внимательно, как-то очень серьезно, без малейшей снисходительности, слушал «знатока» трав – моего двенадцатилетнего сына Сережу, а тот с детской непосредственностью увлекал его как своего погодка от одной поляны к другой, от одного цветочка к другому. И был настоящий шашлык (в нарушение природоохранных правил), и были песни, большей частью студенческие, без купюр, и было усталое возвращение в лагерь. И было Михаилу Федоровичу 71 год.

...Отметив свое 70-летие, Михаил Федорович поставил в известность Министерство и партийные органы Украины о том, что он намерен покинуть пост ректора. Не сразу сложились необходимые условия для смены ректора, но когда решение созрело, то возникло затруднение: кто сообщит о намечающемся Министру В.П. Елютину? Ни обком, ни украинское министерство не решались это сделать. Всех «выручил» Михаил Федорович: он сам поехал к В.П. Елютину в Москву, убедил его в том, что это его личное добровольное решение, и вместе с ним подвел итог своей ректорской деятельности, продолжавшейся 33 года. Двум выдающимся деятелям высшей школы было о чем поговорить, что вспомнить, чем поделиться.

Провожали с поста ректора Михаила Федоровича торжественно, при большом стечении сотрудников вуза и высоких гостей. Официальные проводы завершились импровизированным ужином с высокими гостями (заместитель министра, секретари ОК, ГК, РК и другие) прямо в кабинете ректора. В обстановке того дня нам удалось сказать Михаилу Федоровичу о том, что после Совета мы ожидаем его на кафедре. Шло время, встреча в кабинете ректора затягивалась. Пришлось приоткрыть дверь в кабинет (с разрешения Татьяны Назаровны), выразительно кивнуть Михаилу Федоровичу. Он тут же поднялся, сказал гостям, что его ждет кафедра, и попрощался с ними.

Он пришел в свой кабинет на кафедре, к себе домой, к своим близким людям, ученикам, которые его глубоко уважали, высоко ценили и любили. Главный мотив той нашей беседы – направить энергию ректора в дела кафедры. Планов было много. К сожалению, реализовать большинство из них коллективу пришлось без Михаила Федоровича.

...История распорядилась так, что в создании отечественных синтетических алмазов главную скрипку «сыграли» харьковчане: первые опыты В.Н. Каразина, теория синтеза алмазов академика Лейпунского, первый лабораторный синтез академика Л.Ф. Верещагина, первая промышленная технология синтеза алмаза и массового внедрения его в промышленность В.Н. Бакуля, фундаментальные исследования физики резания сверхтвердыми инструментами М.Ф. Семко. Михаил Федорович гордился этим и искренне высоко ценил вклад каждого ученого. Когда мы писали книгу «Алмазное шлифование синтетических сверхтвердых материалов», он предложил посвятить ее Л.Ф. Верещагину. С таким посвящением она и была издана в 1981 году, уже после кончины Михаила Федоровича.

...Каждый год, открывая Семковские научные чтения молодых ученых, аспирантов, магистров, я стараюсь найти такие слова, которые в максимальной степени могли бы придать новому поколению наше восприятие этой замечательной личности. Ведь судьба подарила нам – его студентам, ученикам, коллегам, сотрудникам – счастливейшую

возможность быть подле него, рядом с ним, трудиться вместе с ним, учиться у него жизни.

А. Грабченко, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой

«Интегрированные технологии машиностроения» им. М.Ф. Семко, г. Харьков